

Я вам расскажу за всю Одессу...

Ах, Одесса!.. Великий Город, где родилось немало легенд, песен и шуток, а списком его знаменитых сыновей и дочерей можно выстелить всю Дерибасовскую, да еще и на Преображенскую останется.

Разумеется, история и юмор Одессы немыслимы без еврейской составляющей. Это и немудрено — еврейский народ был первым, который воспользовался демократическим правом быть избранным. Поэтому самыми известными персонажами одесских анекдотов являются не знаменитые писатели, артисты или политические деятели, а обобщенные образы: супруги Сара и Абрам и некто Рабинович. Памятник последнему, кстати, красуется на Ланжероновской улице в дворике Литературного музея. Что же касается представителей творческих профессий, то одесситы говорят: если еврейский ребенок идет по улице без скрипки, значит, он играет на фортепиано. Впрочем, это относится не только к детям. Одесситы всерьез считают, что после двадцати лет игры на скрипке человек автоматически становится евреем.

Одесса пережила разные эпохи, но ее уникальный колорит, спрятанный где-то в уголках Молдаванки и Дерибасовской, Большой и Малой Арнаутской, в ней всегда оставался неизменным. Неординарный Город, построенный Екатериной Великой, знал расцвет и упадок, но в нем никогда не исчезали юмор, веселье и философский взгляд на жизнь. Ведь это чисто еврейское качество: постоянно находиться в оппозиции к самому себе.

Правда, нынче сочный язык старой Одессы на улицах уже не услышишь. Разве что его порой эксплуатируют экскурсоводы, да изредка перешучиваются старички в укромных двориках. И когда приезжий турист говорит коренному одесситу: «Мне так нравится одесский юмор!» — он вполне может услышать в ответ:

— Я вас умоляю! Разве ж это юмор? Весь юмор вывезли евреи во время эмиграции! Один смех остался...

Одесские
предания

Что вы представляете себе, услышав слова «Старая Одесса»? Скорее всего, это знакомые с детства истории о приключениях благородных жуликов и неудачливых налетчиков, о вечных неудачниках и прекрасных дамах, это фильмы «Ликвидация», «Дежа вю», «Зеленый фургон» и многие другие, приправленные специфическим одесским колоритом и уникальной речью персонажей. Такова щедрая сила культурного наследия Южной Пальмиры. Да и разве может быть иначе? Ведь еще Александр Иванович Куприн, автор прекрасной «Суламифи» и «Гамбринуса», писал как-то своему другу:

«Всякий еврей рождается с мессианской целью стать русским писателем».

Школа биндюжников в Одессе. Экзамен. Биндюжники-извозчики сидят за партами. Экзаменатор вызывает:

— Биндюжник Муцайло! Вот представьте себе такую картину. Вы на своей биндюге едете по ступу. Вы едете, едете, едете, и у вас сломалась ось. Что вы будете делать?

Муцайло, почесывая затылок, говорит:

— Ну, найду дерево, срублю его и сделаю ось.

Экзаменатор:

— Где у ступу дерево?

— Ну, тогда дойду до села и попрошу у них...

— Какого села? Ступь. На сто километров вокруг никого нет.

Муцайло чешет затылок:

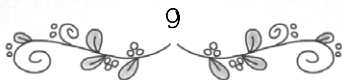
— Ну тогда... Тогда... Тогда...

Экзаменатор:

— Шо тогда?

— Ну тогда... Так-таки... Гембель!¹

¹ Гембель — проблема, крупная неприятность.

Три одесских еврея гуляют по кладбищу:

— Я хотел бы лечь в могилу рядом с Моисеем Зусманом. Он был такой великий повар.

— А я хотел бы лечь в могилу рядом с ребе Шмуэлем-соном. Он был таким выдающимся раввином...

Третий, скромно:

— А я хотел бы лечь рядом с мадам Кац.

— Так она же, слава Богу, жива...

— О!

В булочную Дорфмана на Малой Арнаутской входит нищий босяк.

— Что, свежий ситник уже готов?

— Да-с, вам на сколько?

— Подайте, Христа ради.

— Абрам, и где вы шили такой шикарный костюм?

— В Париже.

— Да? А это далеко от Одессы?

— Две тысячи верст.

— Ты смотри! Такая глушь, а как шьют...

В Одессе проводят перепись населения.

— Имя?

— Исаак Кац.

— Город проживания?

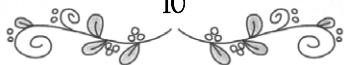
— Одесса.

— Род занятий?

— Мелкий гешефт.

— Вероисповедание?

— Слушайте, я Исаак Кац, живу в Одессе и занимаюсь мелким гешефтом! Ну и кто я после этого? Буддист?

Лавка на первом этаже дома на Ришельевской. Вывески нет, а в окне выставлены красивые старинные напольные часы. Заходит покупатель:

— Сколько стоят эти часы?

— Я не торгую часами, — отвечает хозяин. — Я так делаю обрезание.

— А почему вы поставили в витрине часы?

— Вейз мир, а шо бы вы хотели, шоб я там поставил?

Абрам моется в бане. К нему подходит незнакомый мужчина и говорит:

— Скажите, уважаемый, вы, наверное, родились на Молдаванке?

— Да, а как вы узнали?

— Узнаю топорную работу мозля Соломона...

В железнодорожном вагоне одессит рассказывает еврейские анекдоты. Один из попутчиков долго морщится и наконец просит:

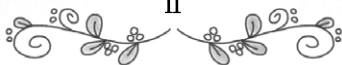
— Ну сколько можно! Расскажите хоть раз нееврейский анекдот.

— Хорошо, — говорит еврей и, немного подумав, начинает: — Значит, так: идут два китайца по Пекину, и один говорит другому: «Слушай, Хаим...»

От Фанкони выходят два одессита. Швейцар подает им пальто. Один из одесситов достает два рубля и дает их швейцару на чай. Другой уже на улице с изумлением спрашивает:

— Ты с ума сошел?! Кто же дает на чай целых два рубля!

— Эге! Зато посмотри, какое пальто он мне подал!

Положили старого еврея с хроническим заболеванием почек в больницу. Медсестра выдала ему 3-литровую банку для суточного сбора мочи. Через сутки она задает вопрос:

— Вы собрали мочу?

Еврей:

— Я собрал, но, к сожалению, она уже закончилась.

Медсестра недоуменно:

— То есть как закончилась?!

Еврей:

— Ну, как-как... Болезнь у меня серьезная, а призывники так умоляли, что пришлось все продать...

Рабинович заходит в продуктовую лавку и спрашивает:

— И почему у вас ветчина?

Едва он выходит на улицу, начинается гроза. Мощный удар грома сотрясает окрестности. Рабинович поднимает взгляд к небу и примирительным тоном говорит:

— Та шо ж такое, даже просто спросить уже нельзя?

Наводнение. Все стараются перебраться на сухое место, лишь один старый еврей сидит в кресле.

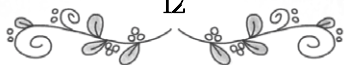
— Скорее сюда! — кричат ему с последнего грузовика.

— Бог мне поможет, — спокойно отвечает старик и молится.

А вода все выше, она уже заливает комнату. К дому подплывает последняя лодка, с нее кричат:

— Прыгайте сюда, осталось еще одно место!

— Бог мне поможет, — невозмутимо отвечает старик и перелезает на крышу.

Но вода добралась и туда. Над домом зависает вертолет, с него сбрасывают веревочную лестницу:

— Цепляйтесь! Это последний шанс!

Но старик по-прежнему твердит:

— Бог мне поможет!

Тут налетела волна и смыла его. В раю старик встречает Бога и укоризненно говорит:

— Боже, я так на тебя рассчитывал! Что же ты меня бросил в беде?

— Мишигене! А кто, спрашивается, посылал тебе грузовик, лодку и вертолет?!

Абрама переехал автомобиль. Друзья несут его домой, а Мойшу, самого культурного из них, послали вперед — подготовить жену покойного.

— Здравствуйте, вдова Рабинович.

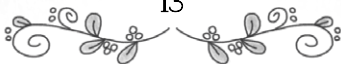
— На тебе дулю! Я таки имею мужа!

— На тебе две! Ребята, заноси!

В шабес нельзя выполнять никакую работу. Суббота. Набожный еврей переходит улицу. Вдруг на асфальте что-то блеснуло... Золотые часы! Поднимать? Не поднимать? В субботу же ничего нельзя делать. Так что же, пройти мимо? Но разве можно такое выдержать?! И тут вдруг на еврея находит озарение. Наклонившись над часами, он убеждается, что они еще тикают, и строго говорит:

— Уж если вы идете, то пойдем вместе!

Умирает старый еврей. Еле дышит, чувствует — конец уже близок. И вдруг из кухни доносится восхитительный запах гефилте фиш. Он открывает глаза и еле слышно говорит сидящему рядом внуку:

— Мона, я чувствую запах фаршированной рыбы. Принеси мне кусочек.

Мона уходит, возвращается с пустыми руками и говорит:

— Бабушка сказала, это на потом.

Лавочник Кац держал деньги в банке. Его дела шли все хуже и хуже. Наконец он отправился в банк, снял со счета последние деньги и закрыл счет. В глубокой печали он шел к выходу и у двери увидел охранника.

— Господин охранник, — сказал Кац, — если вас интересует мое мнение, так вы таки можете уже идти домой. Сторожить тут больше нечего!

Рабинович у себя в огороде нашел кувшин золотых монет царской чеканки. В соответствии с законом Рабинович честно взял себе двадцать пять процентов, а остальное закопал.

На почте Хаим сдает письмо в окошечко.

— Тяжеловато, — говорит почтовый служащий, — придется наклеить еще одну марку.

— Мне это нравится! — Возмущается Хаим. — По-вашему, если прилепить еще одну марку, письмо станет легче?!

В вагоне на верхней полке лежит Самуил и говорит своему товарищу, который только что проснулся.

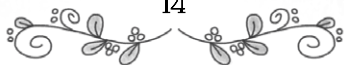
— Ефим, ты слышал, какой ночью был шум?

— А что такое случилось?

— Отсюда, где я сплю, упала моя шуба!

— Так от шубы разве будет шум?

— Нет, но в шубе был я!

- Как дела, Абрам Соломонович?
- Плохо, очень плохо!
- Да будет вам! Я слышал, пару недель назад вы получили наследство от тетушки.
- Да, так и есть.
- А за неделю до того умер ваш двоюродный дедушка, который тоже кое-что вам оставил!
- Тоже верно.
- И вы говорите, что дела идут плохо?
- Конечно. Сами смотрите: на этой неделе – как обрезало!

Двадцатые годы в Одессе.

- Товарищ еврей, подскажите, который час?
- Уважаемый, если вы через двое штанов и кальсоны разглядели, что я еврей, то посмотрите через жилетный карман на часы...

В одесской химчистке:

- Безобразие! Почему вы пришили к моему пальто чужие пуговицы?
- А что, было бы лучше, если бы к вашим пуговицам мы пришили чужое пальто?

- Ты слышал? Вчера на Янкеля напали и избивали.
- Из-за чего?
- Из-за угла.
- Я хотел спросить – почему его били?
- По заднице.
- Ты меня не понимаешь. Меня интересует, что он сделал?
- Что сделал? Кричал «геволт!».